

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ante mortem	7
Действующие лица	14
Глава 1	15
Вторник, 19 января	15
Понедельник, 18 января	47
Среда, 20 января	67
Вторник, 26 января	81
Глава 2	98
Четверг, 4 февраля	98
Пятница, 5 февраля	128
Понедельник, 8 февраля	139
Понедельник, 8 февраля	159
Среда, 10 февраля	181
Глава 3	201
Среда, 10 февраля	201
Пятница, 12 февраля	224
Четверг, 18 февраля	233
Воскресенье, 21 февраля	256
Глава 4	261
Понедельник, 22 февраля	261
Понедельник, 29 февраля	271
Четверг, 3 марта	282
Четверг, 10 марта	316
Пятница, 11 марта	333
Глава 5	339
Суббота, 2 апреля	339
Вторник, 5 апреля	346

Пятница, 8 апреля	363
Воскресенье, 1 мая	380
Понедельник, 9 мая	395
Вторник, 10 мая	409
Глава 6	420
Четверг, 26 мая	420
Среда, 8 июня	448
Среда, 22 июня	457
Среда, 29 июня	473
Четверг, 30 июня	480
Глава 7	491
Пятница, 8 июля	507
Суббота, 9 июля	515
Пятница, 22 июля	524
Вторник, 2 августа	546
Вторник, 9 августа	559
Глава 8	571
Пятница, 19 августа	591
Четверг, 15 сентября	621
Суббота, 1 октября	631
Пятница, 7 октября	641
Глава 9	655
Четверг, 13 октября	655
Среда, 19 октября	691
Четверг, 20 октября	710
Пятница, 21 октября	728
Пятница, 28 октября	736
Четверг, 1 ноября	744
Среда, 9 ноября	760
Глава 10	770
Пятница, 2 декабря	770
Понедельник, 5 декабря	785
Пятница, 9 декабря	793
Воскресенье, 11 декабря	800
Четверг, 15 декабря	809
Вторник, 20 декабря	816
Четверг, 22 декабря	828

Пятница, 23 декабря	839
Суббота, 31 декабря	857
Эпилог	867
Авторское примечание	881
Post mortem	887
Дело закрыто	917
Об авторе	922

Для Линды

Если в земле, которую Господь Бог твой даст тебе во владение, найден будет убитый, лежащий на поле, и неизвестно, кто убил его, то пусть выйдут старейшины твои и судьи твои и измерят расстояние до городов, которые вокруг убитого; и старейшины города того, который будет ближайшим к убитому, пусть возьмут телицу, на которой не работали и которая не носила ярма, и пусть старейшины того города отведут сию телицу в дикую долину, которая не разработана и не засеяна, и заколют там телицу в долине;

и придут священники, сыны Левиины; и все старейшины города того, ближайшего к убитому, пусть омоют руки свои над головою телицы, зарезанной в долине, и объявят и скажут:

руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видели; очисти народ Твой, Израиля, который Ты, Господи, освободил, и не вмени народу Твоему, Израилю, невинной крови.

Второзаконие, 21: 1—9

При ранении от выстрела в упор ствол подносится вплотную к телу... края отверстия обожжены горячими газами и черные от сажи. Следы остаются в обожженной коже, и их нельзя удалить, отмывая или с силой оттирая ранение.

Винсент Дж. М. Димайо, доктор. Огнестрельные ранения: практические аспекты огнестрельного оружия, баллистики и криминалистической техники

Ante mortem ¹

Ричард Прайс

Однажды Джимми Бреслин написал о Дэймоне Раньоне ²: «Он делал все, что и положено делать хорошему журналисту,— шел на улицу и общался». Но в «Отделе убийств», хронике одного года в отделе по расследованию убийств Балтиморского департамента полиции, Дэвид Саймон не просто общался с полицией — он в ней прямо-таки поселился. Саймон и как репортер, и как писатель всегда верил, что Бог — перворазрядный романист, и *быть рядом*, когда Он играет своими драматургическими мускулами,— не только нужно для работы, но и в целом почетное доброе дело. Саймон — прекрасный коллекционер и толкователь фактов, к тому же еще и наркоман с особой зависимостью — зависимостью от желания *видеть*.

Я говорю как эксперт (рыбак рыбака), и эта зависимость устроена так: что бы мы ни видели на улице — полицию, дилеров, людей, которые просто пытаются выжить, не потеряв семью, в мире, усеянном разномастными минами,— все только обостряет аппетит и

¹ *Ante mortem* — «до смерти» (лат.). *Post mortem* — «после смерти» (лат.). Обычно относится к заключению патологоанатома или посмертным фотографиям. (*Здесь и далее прим. пер.*)

² *Дэймон Раньон* (1880—1946) — американский журналист и автор рассказов, прославился описанием мира Бродвея в эпоху Сухого закона.

желание общаться, общаться и еще раз общаться с кем угодно, кто поможет в бесконечных поисках какой-то городской протоправды. Вот наша молитва перед сном: «Прошу, Господи, дай еще денек, еще ночку, дай увидеть, услышать то, что будет ключом, золотой метафорой для всего на свете», — а это, как вам скажет любой безнадежный игроман, обязательно выпадет в следующем броске костей. Истина всегда прямо за углом, в следующей уличной фразочке вскользь, в следующем вызове по рации, в следующей передаче наркотиков из рук в руки, в следующей полицейской ленте вокруг места преступления, пока этот зверь по имени Балтимор, по имени Нью-Йорк, по имени городская Америка, аки ненасытный Сфинкс с совершенно невразумительными загадками, все жрет и жрет отчаянные души одну за другой.

А может, дело просто в нашем неумении успевать к дедлайнам...

Впервые я встретился с Саймоном 29 апреля 1992 года, в ночь бунтов из-за Родни Кинга¹. Мы оба только что опубликовали Большие Книги: Саймон — ту, что вы держите в руках; я — роман «Толкачи» (*Clockers*). Нас свел наш общий редактор Джон Стерлинг. Причем получилось это почти комично: «Дэвид — Ричард, Ричард — Дэвид. Вы должны стать друзьями — у вас столько общего». И, естественно,

¹ *Родни Кинг* (1965—2012) — чернокожий преступник. При задержании за вождение в нетрезвом виде и превышение скорости 2 марта 1992 года был избит полицейскими Лос-Анджелеса. Трое из четверых полицейских были оправданы, но из-за этого среди возмущенных черных сообществ после широкого освещения дела в СМИ поднялись бунты. В конечном счете двое полицейских были осуждены на тюремные сроки, двое оправданы, а Родни Кинг получил компенсацию в 3,8 млн долларов.

первым делом мы двинули через реку в Джерси-Сити, одну из горячих точек той ночи, где нас встретил Ларри Маллейн, детектив убойного отдела округа Хадсон и мой Вергилий в предыдущие три года творчества. Отец Дэвида вырос в Джерси-Сити, так что Маллейны и Саймоны наверняка не раз пересекались в прошлом — и теперь пересеклись вновь. Сами бунты оказались неуловимыми, вечно где-то за углом и за кадром, так что главное, что я запомнил из той ночи, — желание Саймона *быть там*, а для меня это все равно что встретить давно утраченного сиамского близнеца.

Во второй раз мы встретились через несколько лет, когда я после страшного дела Сьюзан Смит¹ в Южной Калифорнии отправился в этакий тур на тему Медеи, чтобы заложить основу романа «Страна свободы» (Freedomland). В Балтиморе произошла отдаленно похожая трагедия: белая мать двух девочек смешанного происхождения спалила собственный дом, пока они спали. Предполагаемый мотив — убрать все преграды с пути ее истинной любви к новому парню, который, по ее словам, был не в восторге от перспективы заиметь двух дочек (сам он это впоследствии отрицал).

Дэвид, не слезая с телефона, свел меня со всеми основными лицами, которых только можно было опросить: с проводившими задержание детективами, парнем матери, втройне скорбящей бабушкой, арабом — хозяином магазинчика через улицу, куда мать прибежала якобы позвонить 911. (По словам хозяина, первым делом она позвонила своей матери.) С журналистской точки зрения у сюжета уже вышел срок год-

¹ *Сьюзан Смит* (р. 1971) — американка, осужденная за утопление двух сыновей.

ности, но Саймон, просто из желания помочь *мне*, все равно переключился в рабочий режим. Мне впервые пришлось успевать за уличным репортером как умственно, так и физически; вдобавок к сбору интервью мы еще безуспешно пытались не мытьем, так катаньем проникнуть за кордон копов, по-прежнему охранявших место преступления; не смутились из-за холодного приема и применили обходной маневр; зашли сзади и перелезли через забор, пока не оказались в почерневшем доме; поднялись по обгорелой лестнице в спальню, где девочки задохнулись дымом. И вот наконец мы стояли там — и это было как стоять в брюхе прозрачного тигра: мы не могли оторвать глаз от стен, потолка, пола, от оставленных пламенем обугленных полос. Гнетущий уголок ада.

Но вернемся к той первой ночи в Джерси-Сити. В какой-то момент до нас дошли слухи, что бунтующие натягивают на улице струну, чтобы обезглавить копов на мотоциклах, и Ларри Маллейну — тоже в прошлом мотокопу, — пришлось сорваться и оставить нас. Мы оказались в одиночестве в полицейской машине без опознавательных знаков (каков оксюморон), я — за рулем, Саймон — на пассажирском. Маллейн дал на прощание совет: «Оставайтесь в движении — и если к вам кто-нибудь приблизится, дайте по газам со злобным видом». Так мы и делали, и тут встает вопрос, который давно меня мучает: писатели вроде нас — одержимые тем, чтобы записать в фактах и небылицах мелочи жизни в уличных окопах Америки, писатели, во многом зависящие от благородства полиции, — неужто мы (ох черт...) фанаты копов?

И я пришел к такому ответу: да не больше, чем фанаты преступников или штатских. Просто мы неизбежно сопереживаем любому, кто разрешает нам пожить в его шкуре, по какую бы сторону закона он

ни находился,— по сути, становимся «сообщниками». Хотя это не так уж страшно, как можно подумать, куда благодарственная мантра звучит так: погостив в твоей жизни, я, хроникер, отблагодарю тебя точным репортажем о том, что видел и слышал. А уж каким ты предстанешь — тут ты сам копаешь себе могилу или возводишь памятник своим образом жизни, так что удачи и спасибо за потраченное время.

Саймон невероятно подробно и ясно пишет о том, что работа детектива убойного отдела невозможна. Полиции приходится разбираться не только с трупом, но и с тем, что лежит на их плечах, то есть с целой иерархией начальников и их начальников — тяжким грузом бюрократического самосохранения. Несмотря на прогресс криминологии, который показывают в сериалах вроде CSI, временами кажется, что у детективов внизу пищевой цепочки есть в распоряжении только одна надежная наука — физика карьеризма, где один-единственный простой и надежный закон гласит: как только убийство попадет в газеты или заденет какой-нибудь политический нерв, достается всегда крайнему. И от лучших детективов — то есть тех, кто под огромным и бессмысленным давлением чаще других превращает красные имена на доске в черные, — веет как усталостью от жизни, так и заслуженной элитистской гордостью.

«Отдел убийств» — это дневник повседневности, мешанина из быта и библейского зла, где на каждой странице чувствуется готовность и страсть Саймона поглощать, переваривать, *быть там* и показывать всей остальной вселенной то, что он видит. Это любовь ко всему подряд перед глазами, неизбывная вера в красоту простой идеи: все, что происходит в реальном времени, и есть «истина» мира — вот как бывает, вот как все устроено, вот что говорят люди, как себя ведут, как

не ведут, как отстраняются, оправдываются, где терпят неудачу, где прыгают выше головы, выживают, гибнут.

Еще у Саймона есть дар передавать огромность мелочей: легкое удивление в приоткрытых глазах свежего мертвеца, невыразимую поэзию брошенной вскользь глупости, физический балет бесцельности на углах улиц, неосознанный танец гнева, скуки и радости. Он документирует жесты, прискорбные ошибки, как буравят глаза, как поджимаются губы. Он записывает неожиданные любезности между врагами, кладбищенский юмор (якобы спасающий от безумия, бездушия или что там еще считается оправданием шуток о недавно убиенных), умопомрачительную дурость, из-за которой и совершается большинство убийств, стратегии выживания людей, находящихся в самых отчаянных обстоятельствах, которые просто хотят увидеть еще один день. Саймон доносит до нас, что улицы — сами по себе наркотик и для копов, и для уличных бойцов (а время от времени — и писателей). Здесь всех ломает без новой предсказуемой и все же неожиданной драмы, когда обе стороны вдруг приходят в движение, а оказавшиеся поблизости зеваки бросаются под окно спальни или во вроде бы пуленепробиваемую ванну — в тесноте, зато не под пулями. И раз за разом Саймон вдальбливает нам, что в мире очень мало черного и белого, зато серого — до черта.

«Отдел убийств» — это книга о войне, причем театр военных действий раскинулся от развалившейся блокированной застройки Восточного и Западного Балтимора до палат заксобрания штата в Аннаполисе. Здесь не без иронии разоблачается, что игры за выживание на улицах — это отражение игр за выживание в ратуше, что все участники войны с наркотиками живут и умирают в цифрах: у одной стороны это килограммы, унции, граммы, колеса, прибыль; у другой — преступ-

ления, аресты, процент раскрываемости, сокращения бюджета. Эта книга — исследование муниципальной реалполитик посреди городского бунта в замедленном действии, и авторская рука уверенно указывает на скрытые в хаосе закономерности. Балтимор, по сути, и есть воплощение теории хаоса.

После успеха экранизации этой книги Саймон попробовал себя и в сценаристике — у него есть блестящий шестисерийный мини-сериал, основанный на следующей книге, «Угол» (The Corner, в соавторстве с Эдом Бернсом), и сериал, который не сериал, а прямо-таки целый русский роман, — «Прослушка» на «Эйч-би-оу» (The Wire). В этих проектах он срезает кое-какие углы, подгоняет истину под слегка искусственную стройность, чтобы ярче показать масштабные социальные проблемы. Но даже со всей творческой свободой Саймон по-прежнему выше всего ставит нюансы, постоянно исследует, как мельчайшие внешние поступки приводят к величайшим внутренним революциям — хоть в жизни одного человека со дна, хоть в духовном и политическом биоритме крупного американского города.

Я это все к тому, что если бы Эдит Уортон¹ вернулась из мертвых, заразилась интересом к муниципальным политическим игрокам, копам, нарикам, жанру репортажа и не волновалась о том, в чем пойти на работу, то она бы, пожалуй, малость смахивала на Дэвида Саймона.

¹ *Эдит Уортон* (1862—1937) — американская писательница, лауреат Пулитцеровской премии за роман «Эпоха невинности» 1920 года о высшем свете конца XIX века.

Действующие лица

Лейтенант Гэри Д'Аддарио
начальник смены

Сержант Терренс Макларни
начальник группы

Детектив Дональд Уорден
Детектив Рик Джеймс
Детектив Эдвард Браун
Детектив Дональд Уолтемейер
Детектив Дэвид Джон Браун

Сержант Роджер Нолан
начальник группы

Детектив Гарри Эджертон
Детектив Ричард Гарви
Детектив Роберт Боумен
Детектив Дональд Кинкейд
Детектив Роберт Макаллистер

Сержант Джей Лэндсман
начальник группы

Детектив Том Пеллегрини
Детектив Оскар «Рик» Рйкер
Детектив Гэри Данниген
Детектив Ричард Фальтайх
Детектив Фред Черути